

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ЭПОХА «РАЗРЯДКИ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

История международных отношений в конце 1960-х – 1970-е гг. давно представляет большой интерес для исследователей. «Разрядка» международной напряженности в тот период времени была, как известно, крайне противоречивым явлением. Отношения между Востоком и Западом продолжали оставаться сложными, хотя острота противоречий несколько снизилась, более активным стало экономическое сотрудничество между двумя мирами. По мнению английского историка С. Эштона, период «разрядки» датируется 1966-1976 гг., а уже в правление Дж. Картера произошел «отход от разрядки», поскольку президент США уделял большое внимание соблюдению прав человека в СССР¹. Вместе с тем, многие антикоммунистические публицисты критиковали Дж. Картера за излишнюю уступчивость и полагали, что эпоха разрядки реально заканчивается лишь при Р.Рейгане².

Как известно, советское руководство (в частности, Л.И. Брежнев) утверждало, что разрядка является достижением внешней политики именно СССР. При этом подчеркивалось, что если межгосударственные отношения с капиталистическими странами строятся на «ленинском принципе мирного сосуществования», то в идеологической борьбе «не может быть ни мира, ни перемирия»³.

Совершенно иначе оценивалась эта эпоха многими деятелями российской эмиграции. В 1970-е гг. в состав российского зарубежья входили представители дореволюционной и трех послереволюционных волн и их потомки. Наиболее активной была антикоммунистическая эмиграция, которая на страницах различных русскоязычных изданий подвергала политику разрядки всесторонней критике. Так, М.Я. Геллер полагал, что причина разрядки крылась в экономической слабости СССР, которому, чтобы совершить НТР, нужна была помощь Запада.⁴ Идея о том, что разрядка выгодна в первую очередь Советскому Союзу разделялась практически всей антикоммунистической эмиграцией. По мнению В. Буковского, западные кредиты улучшали ситуацию в советской экономике, причем коммунистический лагерь одновременно проводил и «новые захваты» стран «третьего мира», которые опять вели к «похолоданию»⁵. «Советским блефом» называл разрядку известный историк А. Авторханов, полагавший, что она преследовала три основные цели: во-первых, «мо-

¹ См.: Ashton S.R. In search of détente. – London, 1994. – P. 144.

² См.: Русская жизнь (Сан-Франциско). 1983. 21 декабря.

³ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. – М., 1971. Т. I. С. 485.

⁴ См.: Геллер М.Я. Российские заметки. 1969-1979. М., 1999. С. 189.

⁵ См.: Буковский В. «И возвращается ветер...». Письма русского путешественника. М., 1990. – С. 361.

рально разоружить» Запад перед лицом коммунистической опасности, во-вторых, усилить советскую экспансию в странах «третьего мира», в-третьих, получить западные кредиты и технологии для ускорения гонки вооружений⁶.

При этом А.И. Солженицын справедливо подчеркивал, что разрядка отнюдь не является синонимом подлинного мира. Миру противостоит не только война, но и «душащее насилие». Все достижения мира на международной арене перечеркиваются атмосферой насилия и нарушения прав человека внутри государств. А главное, отмечал А.И. Солженицын, именно от проблемы наличия политических и гражданских свобод в обществе зависит прочность дипломатических соглашений: если общественность ряда стран «не только не может контролировать действий своих правительств, но даже иметь о них мнение – то все внешние договоры могут быть смахнуты и разорваны в пять минут»⁷.

В условиях разрядки, по мнению эмиграции, еще более очевидной стала слабость международных организаций, которые не способны установить прочный мир во всех частях земного шара. В частности, по замечанию А.И. Солженицына, ООН уже к началу 1970-х гг. показала свое «полное бессилие в любом вопросе»⁸. Некоторые эмигранты утверждали, что это является следствием структуры и состава этой организации, в которой большой вес имели многочисленные страны «третьего мира», настроенные негативно по отношению к бывшим метрополиям, чем умело пользовался СССР.

Единодушно оценивала вся антикоммунистическая эмиграция ключевой документ политики разрядки – заключительный Акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся в Хельсинки в 1975 г. «Позорный акт», «предательство Восточной Европы», «официальное признание ее рабства навсегда» – так отзывались эмигрантские публицисты об этом событии⁹. Многие из них подчеркивали и то, что заранее было ясно, что СССР не будет выполнять те пункты соглашения, которые ему невыгодны, в первую очередь, касающиеся соблюдения прав человека. В связи с этим эмигранты неоднократно требовали от Запада заставить СССР выполнять Хельсинкские соглашения по правам человека или заявить, что заключительный Акт Конференции целиком утратил силу. По мнению П.Г. Григоренко, именно давление Запада оставляло в живых многих советских диссидентов¹⁰. Однако В. Буковский, как и другие эмигранты, неоднократно критиковал Запад, в частности, президента США Дж. Картера и канцлера ФРГ Г. Шмидта за уступчивость по отношению к СССР в этом вопросе¹¹.

Вместе с тем, возникает вопрос: почему Запад согласился на таких условиях проводить политику разрядки? Один из вариантов объяснения этой

⁶ См.: Авторханов А. Мемуары // Октябрь. 1992. № 10. С. 156.

⁷ Солженицын А.И. Публицистика. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 85.

⁸ Там же. С. 380.

⁹ Там же. С. 292; Геллер М.Я. Российские заметки. С. 262.

¹⁰ См.: Open Society Archives (HU OSA). 300/80/7. Box 108. Folder «П.Г. Григоренко. 1979-1992».

¹¹ См.: Le Nouvel Observateur. 1977. 19 Dec.; HU OSA. 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1977»; Folder «В. Буковский. 1978-1983».

ситуации был предложен А.И. Солженицыным, заявлявшим о «духовном кризисе» Запада, где существует «свобода без ответственности и без чувства долга», за которую «никто не готов умереть». Эта свобода, отмечал А.И. Солженицын, «полна трубных звуков, богатства и – пуста»¹².

Другой важной причиной, по мнению российских эмигрантов, была позиция интеллектуальной элиты западного общества, исповедывавшей, по замечанию того же А.И. Солженицына, принципы «материализма и атеизма» и сочувствовавшей социализму¹³. Об этой специфике мировоззрения западных интеллектуалов писали очень многие российские эмигранты. Так, Н. Коржавин заявлял, что либеральная интеллигенция Запада «предала русский народ», т.к. в течение многих лет ее представители «жертвуют нашими судьбами, здоровьем, жизнями» ради того, что «им кажется историческим прогрессом»¹⁴.

Вообще, даже у либерально настроенных советских диссидентов менялось представление о западном обществе после выезда из СССР. Прежде всего, выяснялось, что Запада как единой цивилизации (а именно так это воспринималось в СССР) не существует: слишком различны национальные традиции, характеры, темпераменты жителей многих стран Европы и США. Кроме этого, В. Буковский, например, с удивлением обнаружил, что западные люди не менее «агрессивны и нетерпимы», чем русские. Более того: даже уровень правосознания западного человека в среднем не слишком отличается от советского¹⁵.

Вместе с тем Л.З. Конелев и Р.Д. Орлова, например, выступали против русского национализма и шовинизма. Будучи специалистами по западной литературе, активно общаясь еще в СССР с иностранцами (в частности, с Г. Беллем), они ощущали себя во многом частью общемировой цивилизации. Р.Д. Орлова в связи с этим отмечала: «Я перестала быть коммунисткой, но интернационализм, не лозунговый, не политический для меня и сегодня очень важен»¹⁶.

Еще одна причина проведения Западом политики разрядки, по мнению эмигрантов, состояла в том представлении о мировой политике, которое господствовало среди политической элиты США и ведущих капиталистических стран Европы. Как отмечали М. Геллер и А. Некрич, в основе его лежала идея равновесия сил¹⁷. Отсюда и вытекала во многом необходимость существования СССР как важного фактора в международных отношениях. Вот почему советские эмигранты постоянно критиковали Запад за примиренческую позицию по отношению к СССР¹⁸. Утверждалось даже, что главным союзником Советского Союза, «приходящим ему на помощь всякий раз, когда он испытывает трудности», являются США¹⁹.

¹² Солженицын А.И. Публицистика. С. 327.

¹³ См.: Там же. – С. 497-498.

¹⁴ Коржавин Н. Психология современного энтузиазма // Континент. – Мюнхен, 1976. – № 8. – С. 165-166.

¹⁵ См.: Буковский В. «И возвращается ветер...». С. 378-395.

¹⁶ Орлова Р.Д., Конелев Л.З. Мы жили в Москве: 1956-1980. М., 1990. С. 263.

¹⁷ См.: Геллер М., Некрич А. История России. 1917-1995. Т. 2. Утопия у власти. Кн. 2. Мировая империя. М., 1996. С. 319.

¹⁸ См., напр.: Максимов В.Е. Собрание сочинений. М., 1993. Т. 9. С. 58-60; Die Welt. 1977. 7 Oct.

¹⁹ См.: Геллер М.Я. Российские заметки. С. 310.

Эмигранты указывали на то, что идеология разрядки распространилась и в среде руководителей и сотрудников радиостанции «Голос Америки», которую, несмотря на все усилия властей, слушали оппозиционные интеллигенты в СССР. Преодолевая препятствия, создаваемые советскими спецслужбами, критически настроенная интеллигенция рассчитывала услышать принципиально иной взгляд на события в СССР и в мире, нежели тот, который был представлен в советских средствах массовой информации. Во многом она надеялась, что позиция Запада совпадет с ее собственной интерпретацией ситуации, более того, политика СССР будет подвергнута еще более жесткой критике, чем та, которая звучала из уст советской оппозиции.

Однако, действительность нередко обманывала ожидания советских интеллигентов. По мнению уехавшего из СССР в 1976 г. В. Соколова, «Голос Америки» терял своих слушателей в СССР, т.к. из уст некоторых его комментаторов можно было «услышать такую апологетику Советам, какую не услышишь в передачах Радио «Москва». Причиной же этого было, по его мнению, то, что «кто-то в американских верхах слишком всерьез играет в т.н. разрядку, решив, что лучше поступиться собственными идеалами, предписывающими безусловную свободу распространения информации -- лишь бы не обидеть» СССР²⁰. Вместе с тем, им же (как, в частности, и Б. Вайлем²¹) отмечалась и более четкая антикоммунистическая направленность радио «Свобода».

В связи с этим характерным является сотрудничество крупнейшей политической организации эмиграции – НТС – с ЦРУ. Обосновывая его допустимость, многолетний лидер НТС Е. Романов замечал: «Все эти службы, включая НТС, состоят из людей... Ни в коем случае нельзя сказать, что у американцев совсем не было людей, которые бы благоприятно, положительно относились к нашей национальной позиции»²². Е.Р. Романов полагал, что НТС в определенной степени даже мог влиять на политику ЦРУ в отношении СССР.

Эпоха разрядки, по мнению эмигрантских публицистов, привела к необычной ситуации, в которой оказался СССР в 1970-е гг. Главным внешним врагом оказался, полагал М.Я. Геллер, Китай: даже появление на экранах в Советском Союзе фильма «Андрей Рублев» А. Тарковского советский эмигрант объяснял тем, что в нем врагами русских выступают монголы, похожие на китайцев.²³ Думается, однако, что в данном тезисе М.Я. Геллера содержится преувеличение: он свидетельствует о стремлении многих эмигрантских публицистов за разнообразными событиями в СССР видеть подтверждение разделяемых ими представлений о тенденциях развития страны.

Подобным преувеличением является и мнение эмигрантов о том, что капиталистические страны в 1970-е гг. перестали быть врагами СССР. Отсюда вытекало, по их мнению, и то, что формула «осажденной крепости» потеряла свой пропагандистский смысл. Достаточно интересной, хотя и спорной, является идея эмигрантов о наличии противоречия между внутренней и внешней политикой в СССР в конце 1960-х – 1970-е гг. Как указывал М.Я.

²⁰ Соколов В. Записки радиослушателя // Континент. 1977. № 12. С. 276.

²¹ См.: HU OSA. 300/ 80 / 7. Box 63. Folder «Вай».

²² Романов Е. В борьбе за Россию. М., 1999. С. 118-119.

²³ См.: Геллер М.Я. Российские заметки. С. 118.

Геллер, рождается «новая концепция»: сталинизм во внутренней политике и «брежневизм» (т.е. разрядка) во внешней. Однако, как было показано выше, несмотря на определенную трансформацию советской внешней политики ее основные установки оставались прежними, на что указывали и сами эмигранты: стремление расширить свое влияние в странах «третьего мира», сохранение идеологического противостояния СССР и Запада и т.д.

Тем более, что, как известно, разрядка влияла в определенной мере и на процессы внутри советского общества: именно в 1970-е гг. развивается «третья волна» послереволюционной эмиграции, которую многие исследователи справедливо связывают с международными соглашениями этой эпохи. Так, Дж. Штейманис доказывает, что именно в связи с заключением договора ОСВ-1 СССР ослабил ограничения эмиграции.²⁴ Известная исследовательница истории советских евреев Н. Левин в своем фундаментальном двухтомном труде отмечает связь проблемы еврейской эмиграции из Советского Союза с советско-американскими торгово-экономическими отношениями. В частности, вопрос о принятии в США известной поправки Джэксона – Вэника являлся фактором давления на СССР в направлении снятия ограничений на выезд евреев²⁵.

В качестве альтернативы политике разрядки российская эмиграция выдвигала стратегию непримиримости по отношению к СССР и другим коммунистическим силам. Известна развернутая рядом советских эмигрантов, в частности, В. Буковским, кампания за бойкот Западом Олимпиады 1980 г. в Москве²⁶. Многим эмигрантам казался аксиомой тезис о том, что Советский Союз ведет подготовку к новой войне. Отсюда вытекало то обстоятельство, что своеобразная психология «осажденной крепости», характерная для советского общества, была распространена и на Западе, в частности, в среде российских эмигрантов. Так, в 1970 г. российские монархисты приняли активное участие в организованном правыми силами США «Марше за свободу» в Вашингтоне. Характерны основные лозунги этого мероприятия: «Разбить Вьетонг силой оружия!», «Никаких уступок коммунистам!», «Добиться мира можно только военной победой!»²⁷.

Одним из немногих видных деятелей эмиграции, занимавших иную позицию, был Л. Копелев. Он выступал решительно против бойкота СССР западом, подчеркивая, что «железный занавес» был нужен И.В. Сталину, а не западным демократиям. К тому же «реальный многосторонний бойкот неустойчив, а агитация за него выгодна лишь советской пропаганде»²⁸.

Большинство эмигрантов отрицательно воспринимали и действия тех лидеров коммунистических партий стран Западной Европы, кто пытался занять сравнительно независимую позицию в отношении политики СССР. Речь первую очередь идет о феномене т.н. «еврокоммунизма», выразившегося, в частности, в деятельности Ж. Марше, Э. Берлингуэра и др. Так, В.Е. Макси-

Steimanis J. History of Latvian jews. New York, 2002. P. 155.

Levin N. The jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of survival. New York; London, 1988. т. II. P. 708.

См.: Le Monde. 1979. 16 Nov.; Le Sour. 1979. 8 Nov.

Россия (Нью-Йорк). 1970. 15 сентября.

Копелев Л. Непонятая империя // Страна и мир (Мюнхен). 1984. № 5. С. 30.

мов называл еврокоммунистов «политическими младенцами», у которых в голове «крутится заезженная пластинка со стереотипами расхожего пропагандистского толка». При этом он подчеркивал, что реально еврокоммунисты немногим отличались от коммунистического руководства СССР, ибо исповедовали практически одни и те же ценности. Если бы французские коммунисты пришли бы к власти, полагал В.Е. Максимов, то даже лидера социалистов Ф. Миттерана ожидала бы «печальная участь»²⁹.

В 1970-е гг. внимание всего мира было приковано к Чили, где сначала к власти пришло правительство С. Альенде, впоследствии смещенное А. Пиночетом. До прихода к власти С. Альенде русские в этой стране занимали немало руководящих постов в ведущей отрасли экономики – горнорудной промышленности. После начала деятельности правительства Народного единства многие из них, как отмечают историки, «напуганные угрозой, как им показалось, победы социализма в этой стране, покинули Чили»³⁰.

Именно как угрозу социализма восприняли политику С. Альенде и многие антикоммунистические эмигранты в других странах. Так, российские консерваторы из Сан-Франциско заявляли, что при С. Альенде начались аресты и заключения людей в тюрьмы и концлагери. «Советские «советники» наводнили страну. Чили находилась накануне установления коммунистического режима»³¹. Практически аналогичным было и мнение Н. Коржавина: «Стране грозила левая диктатура. Насильственная национализация промышленности к этому приводит неизбежно»³².

Исходя из этого, понятной становится и позитивная оценка, данная некоторыми российскими эмигрантами Аугусто Пиночету. Известно, что один из них – М. Краснов-Марченко (сын генерал-майора Белой армии С.Н. Краснова) при А. Пиночете занимал пост начальника штаба дивизии Чилийской армии. Впоследствии он заявлял в одном из интервью, что А. Пиночет «спас Чили от массового террора, который осуществляли коммунисты во всех тех странах, где они утверждались у власти»³³.

Таким образом, в эпоху «разрядки» антикоммунистическая российская эмиграция еще более активизировала свою политическую деятельность. Критически оценивая западную цивилизацию, она вынуждена была именно у нее искать поддержки в борьбе против СССР. Позиция российских политэмигрантов в определенной степени влияла и на западное общественное мнение, усиливая давление на истеблишмент в направлении политики «ренессанса холодной войны».

²⁹ См.: Максимов В.Е. Собрание сочинений. Т.9. С. 58.

³⁰ Сизоненко А.И. Русская диаспора в Латинской Америке: проблемы сохранения национальной самобытности // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX – XX вв. М., 1996. С. 147.

³¹ Русская жизнь. 1983. 29 октября.

³² Коржавин Н. Психология современного энтузиазма. С. 193.

³³ Окорочков А. Казак – он и в Чили казак // Посев. – М., 1999. – № 9. – С. 19.